ских моралистических журналах обращена не против христианства как такового, а только против определенных аспектов, прежде всего религиозного презрения к земному бытию. Продолжается типичная для Петровской эпохи полемика против тех приверженцев допетровских традиций, которые в проповеди Феофана Прокоповича к празднику Св. Александра Невского фигурируют как «лицемеры» и «мнимые святцы»:[25] имеются в виду те люди, которые соблюдают с крайней точностью и во всех ритуальных подробностях все предписания древнерусского благочестия, однако пренебрегают при этом своими гражданскими обязанностями. Кроме того, моралистические журналы ратуют против «суеверия», находясь в согласии не только с публицистами Петровской эпохи, но и с западными просветителями, у которых этот полемический лозунг не сходил с языка в выступлениях не только против суеверия профанного быта, но и против определенных проявлений религиозной традиции.

Просветительская критика «лицемерия» и «суеверия» должна была вызывать неудовольствие приверженцев древнерусской культуры, которые и во второй половине XVIII в. еще не перевелись. Один анонимный (и, очевидно, фиктивный) читатель новиковского «Трутня» признается в своем суеверии, говоря, что «я по утрам смотрю толкование снов, и которой день для меня означится счастлив или несчастлив, по тому я свои поступки и располагаю. Впрочем, книг я никаких не читаю за тем, что тетушка моя мне сказала, что в светских книгах много ереси» (161). Бытовое суеверие здесь находится в компрометирующей связи с отвержением всякого мирского образования, т. е. с тем, что с петровской точки зрения считалось воинствующим «невежеством» московской старины. Сходные мотивы мы находим в письме, полученном редакцией «Всякой всячины» от другого анонимного читателя, причем ясно возникает уже известное нам противопоставление «старой» и «новой» России. Речь идет о некоей дискуссии между «старыми» и «молодыми». Молодые, к которым примыкает и сам автор письма, — это представители «нынешняго света»; их оппоненты, напротив, предстают как «люди престарелые и преданные самой древности во всем» (161). Этим пожилым приверженцам допетровской эпохи не нравится «Всякая всячина». Не говоря, правда, о «ереси», они решительно предпочитают религиозную литературу, т. е. «духовныя душеполезныя книги», и негодуют на то, что традиционное «благочестие» обозначается «молодыми» как «суеверие» (162).

Отвечая на это письмо, издатель «Всякой всячины» поступает как Феофан Прокопович, используя религиозные категории прошлого в актуальных целях новой этики, причем традиционная «душеполезность» фигурирует в тесном соседстве с такими понятиями

---

[25] *Феофан Прокопович.* Сочинения. С. 101.